

Философ Анти

P.S.
Философ

**Сборник
СТИХОВ**

Философ Анти

Сборник стихов

«Автор»

2026

Анти Ф.

Сборник стихов / Ф. Анти — «Автор», 2026

«P.S. Философ» - сборник стихотворений и размышлений о жизни, любви, вере, одиночестве, человеческих противоречиях и поиске смысла. Здесь нежность соседствует с гневом, надежда - с разочарованием, а стремление к истине - с сомнением в ней самой. Автор не стремится навязать читателю готовые ответы или доказать собственную правоту. Его тексты - это попытка разобраться в человеке, обществе и самом себе, взглянуть на привычное под непривычным углом и не бояться неудобных вопросов. Это книга о внутреннем поиске, о праве сомневаться, ошибаться и меняться. О мыслях, которые не всегда приводят к ответам, но помогают глубже понять себя и окружающий мир. Возможно, здесь вы не найдёте истину. Но, быть может, встретите вопрос, который давно боялись задать самому себе.

© Анти Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Философ Анти

Сборник стихов

Глава

P.S. Философ

Предисловие

Единственное, что всегда бросалось мне самому в глаза, когда я думал о себе на протяжении всей своей жизни, - это способность видеть то, чего не видят люди, стоящие рядом. Время шло, и извилистая линия жизни постепенно научила меня направлять взгляд глубже, рассуждать шире и не останавливаться на том, что лежит на поверхности. Я учился замечать то, мимо чего другие проходили, задавать вопросы там, где большинство уже считало ответ очевидным, и искать смысл там, где на первый взгляд его вовсе не было. Но со временем я понял, что увидеть - это только половина пути. Второй половиной становится способность правильно выразить увиденное. Поэтому я учился формулировать свои мысли так, чтобы созданная мной информация воспринималась интеллектом другого человека мягче, не заставляя его принимать мою точку зрения, а лишь предлагая на мгновение посмотреть на привычное под другим углом. Наверное, именно поэтому я пришёл к поэзии. Я пишу не только о том, что чувствую, - мне интересно то, что стоит за чувством; не только то, что человек говорит, - но и то, почему он это говорит; не только сам поступок, - но и мысль, которая однажды к нему привела. Я не считаю, что вижу больше других. Я просто никогда не умел смотреть только на поверхность. И если эта книга окажется у вас в руках, я не хочу требовать от вас согласия с тем, что здесь написано. Мне гораздо интереснее другое: чтобы хотя бы одна мысль из этой книги задержалась в вашей голове дольше, чем длится чтение страницы, заставила вас остановиться, посмотреть на привычное иначе и, возможно, задать себе вопрос, который раньше вы себе не задавали. Потому что именно в этом я вижу смысл своих стихов: не дать готовый ответ, а оставить после себя мысль, с которой человек продолжит свой собственный путь.

Один из десяти

Из десяти - один не отвернётся,

Когда тебе особенно темно.

Один останется, не улыбнётся

И не пройдёт привычно стороной.

Из десяти - один заметит ношу,

Которую ты прячешь за спиной.

Не спросит: «Почему тебе так сложно?»

А просто понесёт её с тобой.

Из десяти - один не станет спорить,

Когда ты сам не знаешь, что сказать.

Он сядет рядом и разделит горе,

Не торопясь тебя переубеждать.
Из десяти - один хоть на мгновенье

Задумается: «А что у человека?»»

Не поучая, не ища сравнений,

Не превращая боль его в потеху.
Из десяти - один увидит сердце

За холодом, молчанием, злостью.

И не захлопнет перед ним все дверцы,

Узнав, что за обидой - просто боль.
Из десяти - один способен слушать,

Когда молчание громче всех речей.

Один способен душу не разрушить,

Когда она становится слабей.
И если встретишь одного такого -

Не проходи, как будто ничего.

Возможно, для тебя он просто кто-то,

А для него ты - целый мир.
И если встретишь - просто будь с ним рядом.

Без громких слов, и клятв.

Порою большего не надо -

Чтоб кто-то не ушёл, а мог уйти.

Хранитель старой веры

В горах, где ветер помнит имена,
Где древний камень знает след столетий,
Стоял хранитель у святого алтаря,
Храня завет, что предки пережили.

Он видел, как сменялись времена,
Как рушились империи и троны,
Как древняя священная страна
Теряла память, веру и законы.

Он охранял последний древний свет,
Сквозь годы нёс его, не зная страха.
И верил: если не погаснет этот след
Не канет в вечность вера предков праха.

Он знал молитвы, высеченные в камне,
Знал каждый знак на старом алтаре.
И каждый вечер зажигал он пламя,
Чтоб не исчезла память на земле.

Его считали сумасшедшим старцем,
Смеялись вслед, не веря в древний зов.
Он не склонился перед новым царством
И не искал себе других богов.

Однажды ночью буря в горы хлынула,
И чёрный гром раздвинул небеса.
Средь тьмы лампада не остыла
Воззвал молитвой к древним небесам.

Он умер утром, встретившим рассвет,
Сжимая в пальцах древнее предание.
А на алтарь упал холодный свет
И вдруг в огне послышалось дыхание.

И говорят: когда приходит ночь,
А ветер бьётся в стены храма,
Вновь вспыхнет пламя, разгоняя тьму
И древний зов восстанет над веками.

Может это Бог?

Он вышел к людям на рассвете,
когда над городом вставал туман,
и было тихо на планете,
как будто кто-то выключил обман.
Он говорил не громко и не грозно,
не призывал карать и воевать.

Он говорил, что жить иначе - можно,
что человека стоит понимать.

Он говорил о детях и о старых,
о тех, кто слишком рано стал седым,
о тех, кто возвышается на страхах,
и о смирившихся перед большим.
Он говорил:
- Не путайте покорность
с терпением, дарованным судьбой.
Не называйте слабостью любовь
и не зовите мудростью разбой.
Но чем спокойней становились речи,
тем тяжелее делался ответ.
Толпа сперва внимала человеку,
а после - видела в нём вред.
Ему кричали: «Замолчи, довольно!»
«Не трогай то, что строилось в веках!»
А он смотрел спокойно и невольно
искал ещё живое меж толпы.
Он видел страх, укрытый за законом,
видал, как ложь становится святой,
как тот, кто клялся быть знакомым,
стоит отвернутой стеной.
Его слова всё чаще раздражали,
их называли дерзостью и злом.
И те, кто прежде слушали, молчали,
когда его вели через проём.
Он не искал ни славы, ни признанья,
не требовал коленопреклонения.
Ему была важнее истина признанья,

чем власть над человеческим сомнением.

Он говорил:

- Я не пришёл за вами,

я лишь хочу, чтоб вы смотрели вдаль.

Не позволяйте страху между вами,

решать, кому достанется печаль.

Но день за днём редели те, кто верил,

и становилось больше тех, кто лгал.

Закрылись двери перед ним,

и город постепенно замолчал.

Однажды утром небо было серым,

и ветер гнал по улицам печаль.

Его схватили люди прямо у дома,

и даже не сказали, в чём вина.

Его вели сквозь площадь молчаливо,

а вслед летели камни и слова.

Он шёл, не опуская глаз тоскливо,

и только небо знало, как он прав.

Он не просил вернуть ему свободу,

не проклинал ни город, ни людей.

Он только посмотрел на них в ту пору,

как будто видел дальше этих дней.

И вот уже поднялись над землею

его последние слова без слов.

А те, кто жаждал превратить его в немого,

не знали, что услышат их потом.

Прошли века, и многое забылось:

империй стены, имена царей.

Но где-то чьё-то сердце вдруг разбилось

от тех же самых истинных речей.
И кто-то вновь поднял глаза к рассвету,

не зная, почему ему светло.

Как будто в мире есть ещё ответы,

которые не высказал никто.

Отец

Я помню: был совсем мальчишкой,
Бежал навстречу каждый раз.
Ты был моим героем, книжкой,
Где каждый миг был без прикрас.

Я ждал тебя у старой двери,
Ловил знакомые шаги.
И детским сердцем свято верил,
Что мы с тобою так близки.

Но годы быстро пролетели,
И ты всё реже приходил.
Другие стали важны цели,
Другую жизнь ты полюбил.

Я долго ждал, скрывая слёзы,
Смотря в холодное окно.
Но детство кончилось, как грозы,
И стало тихо... и темно.

Я повзрослел намного раньше,
Чем должен был в свои года.
Не научился жить без фальши,
Но научился без отца.

Теперь я сам уже мужчина,
И сам отцом однажды стал.
Я понял главную причину,
О чём ребёнком не сказал.

Отцу не нужно быть богатым,
Не нужно горы покорять.
Ему достаточно быть рядом,
Когда ребёнок будет ждать.

Не обещать а возвращаться.
Не говорить а обнимать.

Не выбирать чужое счастье,
Когда своё умеет ждать.

Быть может, поздно... слишком поздно...
Назад не повернётся срок.
Но знай: больше всех вопросов
Один, не заданный упрек.

Пока стою

Жизнь была так, будто ей было мало
По рёбрам, по нервам, по всем адресам.
Я падал. Вставал. И опять начинало
Ломать меня то, что не видно глазам.
Мне говорили: «Смирись. Так бывает.
Не каждый доходит туда, где мечтал».
А я поднимался, хотя понимал
Ещё один шаг и сорвусь в никуда.
Я видел, как люди меняли судьбу
На пару купюр и спокойную ночь.
Как те, кто клялись никогда не сдаваться,
Первыми учат прятаться прочь.
Я тоже боялся. Конечно, боялся.
Но страх это повод держаться сильнее.
Я просто однажды себе приказал:
«Не падай. Когда не подняться».
Пускай этот город не любит слабейших,
Пускай тротуары запомнят мой след.
Я вырос не там, где становились мудрее,
Я вырос там, где не спрашивали: «Тебе больно или нет?»

Мне не обещали ни славы, ни рая,
Не клали дороги из золота мне.
Но если судьба мне бросит якорь на дно
засучу рукава, хоть и будет темно.
Подниму этот груз из холодной воды,
И руками свой лайнер протащу сквозь льды.
Через тернии?
Пусть будут тернии.

Мне не привыкать проходить через боль.
Пускай мои руки изрезаны временем
Я всё ещё здесь.
Я всё ещё стою.

И если когда-нибудь звёзды погаснут,
И небо оставит один только мрак
Я всё ещё здесь.

И не сдамся. Никак

Одиночество

Я научился слушать тишину,
Она порой честнее разговоров.
Она не обещает мне весну,
Не строит замков из красивых споров.

Одиночество не пустота,
А дом, где эхо знает моё имя.
Где каждая забытая мечта
Живет под пеплом тишины.

Я не прошу у неба лишних слов,
Не жду шагов за запертой дверью.
Лишь ветер, словно память прошлых снов,
Приходит, чтобы проверить, верю ли.

И если мир однажды замолчит,
Погаснут города, исчезнут лица,
Во мне ещё останется свеча,
Что не позволит сердцу остудиться.

Ведь самый страшный холод не зима,
И не дожди, стучащие по крыше.
Страшнее, когда полная толпа,
А ты для них как будто бы не дышишь.

Но я иду. Пусть медленно. Один.
Не потому, что путь мой безнадежен.
А потому что после всех вершин
Свою судьбу несёт лишь тот, кто может.

Безликий
Я долго жил под именем чужим,
Меняя лик, как платье, пред толпою
Сегодня был пророком, завтра злым,
А третьего нарёк своей душою.

Я кланялся чужим богам,
Чужую речь считал своим законом
Себя искал по зеркалам
Встречал лишь отражение другого.

Мне нравилось казаться кем угодно
Учёным, мудрецом или бойцом.
Построил речь надменно и свободно,
Но сам себе казался чужаком.

Я выбирал одежды по погоде,
А мысли по желанию людей.
И всякий раз, меняясь при народе,
Терял черты ещё одних из дней.

Я был богат, когда богат был рядом,
Был смел, когда мне верили в глаза
Я становился для другого взглядом,
Но своего не помнил никогда.

И было в этом странное блаженство
Не быть собой и ни за что не отвечать
Безликий ведь нет несовершенен
Ему и нечего терять.

Но как-то раз, когда закат багровый
Ложился медью на седой карниз,

Я вдруг устал от собственной обнове
И снял лицо, как старый маскарадный приз.

И стало страшно.

Не осталось роли.
Ни пышных слов, ни выученных фраз.
Лишь человек один среди неволи,
Которого никто не знал до нас.

Я долго всматривался в чудо
В лицо, которое не нравилось мне.
И понял: быть совсем не значит будто
Играть кого-то в собственной судьбе.

Не нужно быть великим или первым,
Не нужно славы, золота, венца.
Порой достаточно поверить первым
В того, кто тихо смотрит из лица.

«Пускай я мал.
Пускай мой путь не выложен порфиром.
Я слишком долго кем-то побывал
Теперь хочу остаться просто миром».

Не нужно мне чужого трона,
Не надо называть меня святым.
Не стану больше зваться тем, кем не был,
Мне собственное имя стало дорогим.

И ныне мил мой собственный напев,
Пусть груб он будет, пусть лишен убранства.
Я не желаю больше жить для всех.

Пусть будут мне ошибки как удел,
Зато они мои, не взятые займы.
Не стану больше прятать свой предел,
Не стану жить чужими миражами.

Пусть мир решит, что я ничтожен, мал,
Пусть обо мне забудут на рассвете.
Зато впервые тот, кем я не стал,
Не будет жить вместо меня на свете.

И ныне прочь и маску, и венец,
И все личины, коим поклонялся.
Я не желаю быть одним из тех
Я наконец самим собой назвался.

И вот теперь, не зная, что нас ждёт,
Без громких обещаний и регалий,
Я просто сделал первый шаг вперёд
Туда, где раньше собственно терялся.

Пускай мой путь не будет золотым,
Пускай судьба не станет мне покорной.
Мне мало просто быть. Я стал, кем не решался.

Иногда стихи приходят ко мне не тогда, когда я их ищу. Некоторые из них я долго вынашиваю, возвращаюсь к одной мысли, спорю с ней, меняю слова, снова возвращаюсь. А некоторые появляются совсем иначе. Бывает, что стих приходит во сне. Бывает, что рождается из состояния, которое трудно объяснить даже самому себе. Иногда мысль возникает настолько неожиданно, что остаётся только успеть её записать. Поэтому в этой книге есть произведения, к которым я сам не всегда могу подобрать привычное объяснение. Есть стих, который мне действительно приснился. Есть «Да пошла ты, жизнь» - уже само название которого появилось из состояния, в котором человеку иногда хочется не философствовать, а просто сказать это вслух. Есть «Дар со дна». Есть «Утопия». Есть «Я - каменный вождь». И, наверное, именно такие произведения я люблю особенно. Не потому, что считаю их лучше остальных, а потому, что в них я сам иногда не до конца понимаю, откуда появилась первая строка и почему именно она повела меня дальше. Наверное, в этом и есть одна из странностей поэзии. Мы привыкли думать, что стихотворение пишет человек. Но мне кажется, что бывает наоборот: человек всего лишь оказывается рядом в тот момент, когда стихотворение решает появиться. Поэтому дальше я не буду объяснять вам каждое из этих произведений. Лучше просто прочитайте их. А если какое-то из них покажется вам странным - не спешите искать ошибку в этой странности. Возможно, именно туда мне и хотелось вас привести.

Дар со дна

Докатился дальше некуда,
Где даже тень отводит взгляд.
Вгляделся в руки линии запутаны,
А в них вся жизнь и тысяча утрат.

Всё, чем я жил, однажды стало пылью,
И лица растворились за спиной.
Я так привык считать себя пропавшим,
Что объявился главным же врагом.

Я жил, как будто кто-то дал мне срок,
И каждый день спускался ниже, ниже.
Пока однажды не ударил дном
И вдруг увидел: дальше только выше.

Там стало тихо.
Страшно.
И темно.

Никто не ждал.
Никто не обещал.

И вдруг открыв в себе науку,
Познал я то, чего не изучал.

Слова пришли без предупреждения,
Легли на стол, как карты на войне.
Я вывел первую строку
Перо само продолжило движение.

Мир начал проступать сквозь трещины и шрамы,
Где каждый человек и пропасть, и рассвет.
И строки лезли из меня упрямо,
Как будто кто-то знал на всё ответ.

«Благословение?
Господь оставил мне дорогу?
Меня он бросил прямо в ад,
Чтоб я оттуда смог подняться к Богу?»

Но тут же чёрт внутри меня:
«Не торопись считать себя пророком.
Ты просто слишком долго был без видения,
А после принял бред за озарения».

А если это просто ложь?
Красивая игрушка для больного?
Я просто заменил свои оковы
На клетку из чернил и разговоров.

Вдруг никакого дара вовсе нет,
А есть лишь человек.
Который столько лет тонул,
Что даже крах называл спасением.

Но если это всё-таки мой дар
Зачем он появился после смерти?
Зачем мне нужно было потерять себя,
Чтоб наконец услышать сердце?

Я не святой.
И чёрт возьми.
Мне далеко до гения, интеллектуалов.
Но если Бог мне путь укажет
Я к свету тех, кто рядом, поведу.

А если это только бред моей души,
Ну что ж...

Пускай.
Я всё равно продолжу...

Я - каменный вождь

Я не родился сильным - я им стал,
Не по велению небесной воли.
Я сам себе однажды наказал
Не умолять у жизни снисхожденья.

Я начинал с презрения к себе,
С того, что не умел себе прощать.
Мне было мало собственного жребия,
И я решил себя переписать.

Я вымерял поступки, словно шаг,
Взвешивал желания и сомненья,
И каждый свой несбывшийся рывок
Вносил в реестр собственного паденья.

Я изучал характер по чертам,
Искал в себе не доброту - изъяны.
Я задавал вопросы ликам,
На них смотрели чуждые мне страны.

Я вычитал себя из прежних книг,
Срывал с души ненужные страницы.
Мне был противен прежний мой двойник
Тот, кто привык надеяться и длиться.

Я - каменный вождь.
Я выкован собой.
Не божьей прихотью, не случаем, не кровью.
Я был себе судьёй, тюрьмой, стеной,
Пока не научился быть собою.

Я не искал удобного пути,
Мне не нужны были чужие начертания.
Я знал: чтоб собственное имя обрести,
Порою нужно растеряться.

Я отнимал у слабости права,
У праздной лени - царские палаты.
Я запрещал себе пустые «завтра»
И требовал с себя оплаты за утраты.

Но человек, привыкший к наказаньям,
Не сразу понимает страшный толк:

Порою даже собственным стараньем
Мы превращаем сердце в цельный щит.

Я стал суров настолько, что порой
Не различал жестокость и отвагу.
Мне представлялось: если я собой
Разочарован - значит, движусь к идеалу.

Но идеал - не хищник и не бич,
Не пьедестал, воздвигнутый над всеми.
Он в том, чтоб недостаток свой постичь
И не позволить недостатку стать уставом.

Тогда впервые я услышал тишину,
Не ту, где прячется усталость,
А ту, где человек признал войну,
Которую внутри себя устроил.

И я взглянул на прежнего себя -
Не как на недостойного, чужого.
И вдруг увидел: тот, кого я клял,
Когда-то просто не умел другого.

Он ошибался. Падал. Отступал.
Порой себе казался бесполезным.
Но он меня до этого довёл,
Хотя не знал, куда ведёт мой вектор.

Я не простил ему всё в день.
Прощенье - не монета и не милость.
Оно пришло без клятв и перемен,
Когда во мне жестокость растворилась.

Я положил ладонь на свой портрет
И понял то, чего не знал годами:
Нельзя взрастить в себе мужчину чести,
Пока в душе к себе же - только отвращение.

Я - каменный вождь.
Но камень - не о злобе.
Он означает форму, вес и меру.
Я научился управлять собою,
Не превращая волю свою в веру.

Я больше не ломаю - я ограняю.
Не уничтожаю - исправляю.
Вчерашнего себя не презираю,
А завтрашнего - тщательно воздвигаю.

Мне мало просто быть сильнее всех.
Мне важно быть точнее, чем вчера.
В характере не ценится успех,
Когда за ним утрачена душа.

Поэтому я снова начинаю
С той точки, где закончил прошлый день.
Себя не превозношу и не унижаю - Просто отсекаю лишний вес.

Я совершенствую не только силу -
Осваиваю собственное молчание.
Я изучаю отличать достоинство от пыла,
А твёрдость - от пустого отрицания.

Учусь не отвечать на каждый вызов,
Не тратить речь на каждого глупца.
Ведь власть над миром начинается с мысли,
А власть собой - с контроля сердца.

Я собираю разум по крупичкам,
Как мастер собирает редкий сплав.
Мне недостаточно казаться - надо длиться,
Не обещать себе, а выполнять.

Пусть мой нрав становится суровей,
Но пусть в нём остаётся место озарению.
Пусть я научусь держать удар,
Но никогда не стану сам ударом.

Мне не нужна регалия над толпой,
Не нужен трон, чтоб ощущать величье.
Я поднимаю планку над собой -
И сам себе являюсь пограничем.

Сегодня я сильнее, чем вчера.
А завтра стану строже к себе снова.
Но строгость без любви - всего лишь тьма,
А совершенство без души - оковы.

Я - каменный вождь.
И всё же я живой.
Во мне не только выдержка и воля.
Я научился быть самим собой,
Не превращая сердце в поле боя.

Я знаю цену собственной свободе:
Не делать всё, что требует азарт.
Не каждый выбор должен быть угоден,
Но каждый должен выдержать мой взгляд.

Мне больше не приходится бежать
От человека, что во мне когда-то жил.
Я не обязан прошлое стирать -
Я должен понимать, зачем я был.

Из прошлого я взял не сожаленье,
Не горечь, не бессмысленный укор.
Я взял оттуда опыт и умение
Не повторять однажды пройденный позор.

И если снова стану перед выбором,
Где проще отступить, чем устоять,
Я вспомню, сколько раз меня пытались
Сломать не люди - мой привычный страх.

Я не бессмертен. Я могу оступиться.
Могу устать, сорваться, замолчать.
Но разница лишь в том, что я умею
Себя поднять, понять и продолжать.

Не потому, что мне неведом страх.
Не потому, что я лишён сомнений.
А потому, что даже в слабых днях
Я не отдам себя на милость настроений.

Я - каменный вождь.
И камень мой растёт.
Не высотой - глубиной основания.
Я знаю: совершенство не придёт
К тому, кто объявил себя сотворением.

Оно не ставит точку никогда.
Оно не говорит: «Теперь довольно».
Оно заставит завтра быть трудней,
Чем было это утро - добровольно.

И я иду не к образу святого,
Не к безупречности холодных статуй.
Я просто каждый день леплю другого -
Того, кому вчера, не много, не хватало.

Я сам себе и мастер, и материя,
И собственный безмолвный материал.
Я сам себе придумал эту меру
И сам её однажды перерос.

Я был своей враждой -
Теперь я свой союз.

Я был своей тюрьмой.
Теперь я мастер воплощения.

И вот теперь, когда гляжу назад,
Мне прежний я уже не кажется ничтожным.
Он был началом.
Хранил то право на ошибку.
А я имею право стать сложнее.

Я - каменный вождь.

Не тот, кому поклоняться другие, -
Я сумел однажды наклонить свою гордыню, слабость и бездумье
Обуздал собственную жизнь творить.

Я не прошу у времени пощады.
Я не торгуюсь с будущим о издержки.
Мне интересен человек, которым стану,
Когда сегодняшний канет во мне.

Пусть годы точат контуры лица,
Пускай меняют почерк и походку.
Я буду совершенствовать себя
Не ради идеала - ради роста.

И если в конце, пройдя свой долгий круг,
Я встречу взгляд, который позабыл обиду,
То я пойму: не тот велик, кто покори планету,
А тот, кто превозмог себя - и не забыл,
Свое начало.

Я - каменный вождь.

И в этом имени нет власти.

Утопия

Нам город построили - ровный, счастливый,
Без нищих окраин, без тёмных ворот.
Где каждый прохожий считался любимым,
Где каждый имел своё место и счёт.

Там башни вставляли рядами прямыми,
И солнце скользило по стёклам домов.
Там люди гордились делами своими,
А дети не знали значения слов.

Там старые книги считались изгоем,

Поскольку грядущее знало ответ.
Там правду считали вещью недужной,
Когда её выводил чей-то след.

Там утром звучали спокойные речи,
И площадь сияла от белых огней.
Казалось, что мир поселился навечно,
Поскольку никто не боялся теней.

Но первая трещина вышла из стены,
Её не заметил ни город, ни люд.
Потом за молчанием скрылись измены,
Потом перестали встречать Новый год.

Сначала пропали из окон улыбки,
Потом продавцы перестали считать.
Потом на вокзале не продали билеты,
А люди забыли, куда уезжать.

И город однажды проснулся без звука -
Без музыки, споров, шагов и машин.
Как будто незримая чья-то рука
Сорвала с них имя, оставив тела.

Потом появились солдаты у входа,
Потом за оградой поставили пост.
Никто не сказал, почему это нужно,
Но каждый понял этот вопрос.

И первая пуля разбила витрину,
Вторая сорвала табличку с ворот.
А третья прошила чью-то картину,
Где мир продолжал свой идеальный полет.

За ночью пришла черед переключек,
За ними - сирены, потом тишина.
И город, который мечтал о величье,
Учился считать, сколько стоит война.

Горели дома, исчезали кварталы,
На стенах чернели следы от огня.
И те, кто вчера идеалы создали,
Теперь их искали среди кирпича.

Война не спросила, кто прав кто виновен,
Она удалила все имена.
Война не считала ни званий, ни судеб,
Ей были чужими и вера, и честь.
Она оставляла за городом пули

И столько пустот, сколько в городе душ.

Там, где возвышался когда-то колосс,
Теперь лишь остаток былого величия.
Его возводили, не ведая гроз,
И верили: камень бессмертен, переживёт поколения.

А рядом лежал кусок мостовой,
Избитый подошвами, пылью, войной.
Он помнил шаги тех, кого уже нет,
И молча хранил их последний след.

Но в трещине узкой, почти незаметной,
Где пыль оседала густою золой,
Пробился зелёный росток неприметный,
Сломавший поверхность упрямой рукой.

Он тянулся вверх, не умея бояться,
Не зная приказов, законов и схем.
Ему не сказали, что нужно сдаваться,
Ему не сказали, что выхода нет.

И вот он стоял над бетонной пустыней,
Такой небольшой, что смешно говорить.
Но рядом с ним город казался бессильным
Ведь он научился расти.

И вдруг я подумал: быть может, ошибка
Утопии скрылась совсем не в войне.
Быть может, она слишком долго пыталась
Сделать живого похожим на тень.

Мы строили место, где всё совершенно,
Где нет перемен, где нету потерь.
Но жизнь не бывает послушной и цельной
Она оставляет незапертой дверь.

И если однажды исчезнут системы,
Которые мы возводили веками,
Останется то, что не вписано в схемы:
Способность подняться над собственной гранью.

Не город спасёт нас. Не мрамор. Не башни.
Не лозунг, которым исписан асфальт.
Где камень казался пределом для жизни
Не зная что здесь невозможным был рост,
Он тянулся наверх, не считая причины,
И медленно рушил придуманный пост.

И пусть над Утопией снова смеются,
Пусть скажут: «Она не сумела прожить».
Я всё же поверю тому, что вернётся,
Когда кто-то решится заново жить.

Пускай идеальный наш город исчезнет,
Пускай от него не останется карт.
Пока через трещину тянется зелень
Утопия будет жива.

Не в тех площадях, что построили люди,
Не в небе, которое мерили вдаль.
А в маленькой жизни, что выросла чудом,
Не зная приказов, пределов и тайн.

И если однажды на месте бывшего
Кто-нибудь встанет утром один,
Он может увидеть простое и новое:
Как жизнь поднимается прямо с глубин.

И, может быть, в этом вся тайна Утопии -
Не в мире, где больше не встретишь беды,
А в том, что сквозь всё, что мы сами разрушили,
кто-то пытается жить.

Да пошла ты жизнь

Да пошла ты, жизнь, со своим «держись»,

С бесконечным «потом станет легче».

Я слишком долго учился не злиться,

Когда становилось тяжелее.

Да пошла ты со своим «потерпи»,

С обещанием рассвета за тучей.

Я видел рассветы десятки раз -

А внутри становилось лишь хуже.

Да пошла ты со своим «всё пройдёт»,

Если боль почему-то не знает дороги.

Сколько можно идти, когда каждый восход

Начинается снова с тревоги?
Сколько можно себя убеждать,
Что ещё один шаг - и всё поменяю?
Я устал себе правду скрывать,
Иногда даже вера бессильно клонится.
Мне твердили: «Ты сильный, держись».
Будто сила - не чувствовать боли.
Будто если ты выжил - то жизнь
Обязана выдать хоть немного свободы.
А я тоже хотел иногда
Не быть сильным, не быть человеком из стали.
Чтобы кто-нибудь просто сказал:
«Я с тобой. Ты достаточно сделал».
Но никто не пришёл. Ну и пусть.
Я уже не обижен, не надо.
Просто в сердце поселилась злость -
Не на жизнь. На её постоянное «надо».
Надо встать. Надо жить. Надо ждать.
Надо верить, терпеть и стараться.
Только кто мне ответит, когда
Мне уже ни за что не хотелось остаться?
Я не слабый я просто устал
От борьбы, где наградой - усталость.
От того, что себя по кускам собирал,
А жизнь снова ответила надо.
И я больше не буду просить
У судьбы ни пощады, ни чуда.

Если хочешь меня удивить -

Удиви. Я давно перестал бояться.
Да пошла ты, жизнь, со своим «держись».

Я держался. Достаточно. Правда.

Я не умер - и это мой приз,

Хотя ты называла победой другое.
Мне не нужен твой правильный путь,

Где за боль обещают награду.

Я хочу хоть однажды свернуть

Туда, где мне самому будет надо.
И пускай ошибусь - ну и пусть.

Пусть опять будет больно и страшно.

Я хотя бы пойму, почему я живу,

А не буду всю жизнь соответствовать «важно».
Да пошла ты, жизнь, со своим «держись».

Я устал быть героем без права на слабость.

Если снова придётся упасть

Поднимусь.

И не ради тебя.

Не назло.

Не затем, чтобы что-то кому-то сказать.
Просто я ещё здесь.

Мне назло

Захотелось однажды

Самому выбирать.

Мне приснился Один

Этот стих появился необычно - он мне приснился. Я не садился писать его с заранее придуманной мыслью или сюжетом. Сначала был сон, а уже потом я попытался сохранить то ощу-

щение, которое осталось после пробуждения. Наверное, поэтому я не очень хочу объяснять здесь, кто такой Один и что именно он должен означать. У каждого человека может появиться свой образ этого героя. Для кого-то он будет богом, для кого-то - странником, для кого-то - человеком, который слишком много знает и слишком дорого за это заплатил. В стихотворении я упоминаю Фафнера - дракона из скандинавской мифологии. Когда-то он был человеком, но из-за жадности и проклятого золота превратился в чудовище и стал охранять своё сокровище. Мне было интересно вспомнить именно его, потому что в этом образе есть что-то большее, чем просто дракон: человек может настолько сильно привязаться к тому, чем владеет, что однажды сам становится пленником собственного богатства. Я не знаю, насколько правильно объяснять читателю такие вещи. Возможно, некоторые образы лучше оставить немного загадочными. Мне самому интересно, что иногда стих приходит раньше, чем его смысл. И, возможно, именно поэтому некоторые вещи лучше не объяснять до конца.

Дар со дна

Мне всегда нравился образ вещей, которые человек находит там, где совсем не ожидал их увидеть. Поэтому мне было интересно поместить что-то ценное на самое дно. Сначала кажется, что дно - это просто место, куда что-то упало и где оно было забыто. Но если посмотреть на него немного иначе, оно становится похожим на то, что есть внутри каждого человека. Мы тоже умеем складывать туда вещи, к которым не готовы возвращаться. Воспоминания, которые слишком больно вспоминать. Слова, которые когда-то не смогли сказать. Людей, которых пришлось отпустить. Страхи, которые мы научились называть прошлым. Иногда мы думаем, что просто забыли что-то, хотя на самом деле лишь научились не смотреть в ту сторону. И, наверное, поэтому мне близок образ дара со дна. Потому что самое ценное иногда находится не там, куда мы хотим смотреть, а там, куда годами боимся заглянуть. Возможно, то, что человек однажды спрятал от самого себя, спустя много лет может оказаться именно тем, что поможет ему понять себя настоящего. Поэтому я не хочу говорить, что именно является этим даром. Может быть, знание. Может быть, память. Может быть, боль, которую мы долго считали только болью. А может быть, человек, которым мы когда-то были и которого успели забыть. Мне кажется, психика вообще умеет странным образом сохранять то, от чего мы пытаемся избавиться. Мы можем похоронить воспоминание, но не всегда можем похоронить его значение. И иногда приходится спуститься довольно глубоко, чтобы понять: то, что мы считали своим прошлым, всё это время продолжало жить внутри нас. Поэтому «Дар со дна» для меня не столько о том, что можно найти на глубине, сколько о том, что иногда приходится найти в самом себе. И, возможно, самое сложное здесь не достать этот дар на поверхность, а решиться посмотреть на него и не отвернуться.

Я каменный вождь

В этом стихотворении мне хотелось поговорить о человеке, который кажется сильным настолько, что уже почти перестаёт быть человеком. Камень здесь для меня - не только символ прочности, тяжести и неподвижности. У камня есть и другая сторона: он не чувствует, не сомневается и не отступает. Наверное, поэтому образ каменного вождя оказался для меня интереснее обычного образа сильного человека. Сила постепенно может стать не защитой, а панцирем, который однажды уже невозможно снять. Человек привыкает быть тем, на кого смотрят, кому доверяют, от кого ждут решения. И в какой-то момент ему становится почти стыдно признаться даже самому себе, что он тоже боится, устаёт и не всегда знает, куда идти. Поэтому этот стих для меня имеет ещё одно, более личное значение. Иногда он работает как собственное заклинание. Я пишу его не только о каком-то вожде или придуманном герое - в определённом смысле я говорю эти слова самому себе. Есть состояния, в которых человеку нужно не объяснение и не совет, а несколько фраз, которые помогут ему собрать себя обратно. Именно поэтому в стихотворении мне важна эта почти ритуальная интонация: будто человек повторяет слова не для читателя, а для самого себя, чтобы вспомнить, кем он решил быть.

Но любое заклинание имеет цену. Если слишком долго убеждать себя, что ты камень, можно однажды забыть, что внутри тебя всё ещё живой человек. И, наверное, именно здесь для меня проходит главная граница этого стихотворения. Я не уверен, что сила заключается в том, чтобы никогда не быть слабым. Возможно, настоящая сила в том, чтобы иметь право быть слабым и всё равно продолжать идти. Поэтому я оставляю образ каменного вождя открытым. Может быть, это человек, который научился не ломаться. А может быть, человек, который так долго боялся сломаться, что запретил себе чувствовать. Мне интересно, где читатель увидит эту границу. А мне самому этот стих иногда нужен именно как напоминание: даже если сегодня приходится стать камнем, не стоит забывать, что однажды снова придётся стать человеком.

Утопия

Когда я писал «Утопию», мне было интересно не столько придумать идеальный город, сколько посмотреть, что произойдёт с человеком, если он действительно попробует создать идеальный мир. В начале мне хотелось показать этот город почти как мечту: нет бедности, нет тёмных окраин, каждому человеку нашли своё место. Всё ровное, чистое, правильное. Но постепенно за этой правильностью появляется что-то тревожное. Мне было важно показать, что в мире, где всё должно быть идеальным, постепенно может не остаться места для случайности, сомнения, прошлого и даже для самой правды. Поэтому появилась строка «Там правду считали вещью недужной». Слово «недужный» означает «больной, нездоровый». Но здесь мне было важно не само значение слова, а мысль за ним: страшнее всего не тогда, когда правду запрещают, а когда человека убеждают, что сама правда является чем-то ненормальным. Если то, что не вписывается в красивую картину мира, объявить болезнью, то уже не системе приходится меняться - меняться заставляют самого человека. Потом в городе появляется первая трещина. Для меня она не только физическая. Это первая трещина в самой идее Утопии. И мне нравится, что её никто не замечает. Настоящий крах, наверное, редко начинается с громкого события. Иногда сначала исчезает улыбка, потом перестаёт работать магазин, на вокзале уже нельзя купить билет, а человек вдруг перестаёт понимать, куда ему вообще нужно ехать. Возможно, разрушение начинается не тогда, когда рушатся стены, а тогда, когда человек перестаёт понимать, ради чего он живёт. Когда приходит война, она окончательно стирает различия между людьми. Ей не важно, кто был богатым, кто бедным, кто прав, а кто виноват. Поэтому появилась строка «Сорвала с них имя, оставив тела». Имя здесь для меня - это не просто то, как человека называют. Это его память, история, личность, всё то, что делает его именно им. Тело может остаться, но человек как отдельная история может исчезнуть. Потом появляется колосс - огромное, величественное изваяние, символ человеческой уверенности в собственном величии. Люди строят что-то подобное, будто хотят бросить вызов времени и оставить после себя вечность. Но рядом с ним я поставил совершенно другой образ - маленький кусок мостовой. Мостовая - старое слово для дороги или улицы с твёрдым покрытием, чаще всего каменным. Никто не создавал этот кусок дороги как памятник. У него нет имени, его не вписали в историю, его никто не собирался сохранять. Но он пережил людей. Он помнит шаги тех, кого уже нет. И здесь для меня появляется одна из важных мыслей этого стихотворения: иногда то, что кажется незначительным, сохраняется дольше того, что люди считали великим. А потом появляется росток. И вот здесь для меня начинается настоящий перелом. Он маленький, почти ничтожный по сравнению с городом, башнями и колоссом. Но именно он оказывается самым живым из всего, что осталось. Ему никто не сказал, что здесь нельзя расти. Он не знает приказов, схем и ограничений. Он просто тянется вверх. Мне хотелось противопоставить росток всему городу. Город был создан по плану. Росток появился без плана. Город пытался сделать жизнь совершенной. Росток просто живёт. Город хотел контролировать всё. Росток даже не знает, что существует такое понятие, как подчинение. Поэтому постепенно я пришёл к мысли, что, возможно, ошибка Утопии была вообще не в войне. Возможно, сама идея создать мир, где всё совершенно, уже была ошибкой. Ведь жизнь не бывает полностью ровной и предска-

емой. В ней всегда есть перемены, случайности, ошибки и потери. Если убрать всё это, можно вместе с ними убрать и саму жизнь. Когда я пишу «Способность подняться над собственной гранью», грань - это предел, граница, то место, дальше которого, кажется, уже невозможно пройти. Здесь снова работает образ роста: камень должен был стать для него пределом, но он всё равно пробился. А дальше мне хотелось изменить само значение слова «Утопия». В начале это идеальный город - площади, башни, порядок, отсутствие бедности и страха. Но постепенно становится понятно, что этот город был лишь иллюзией совершенства. Он оказался неспособен пережить собственные противоречия. И тогда настоящая Утопия появляется не в восстановлении города. Она появляется в маленькой зелени, которая пробивается через его остатки. Поэтому мне близки строки: «Пусть идеальный наш город исчезнет, / Пусть от него не останется карт. / Пока через трещину тянется зелень / Утопия будет жива». Здесь я уже не говорю о городе. Я говорю о жизни, которая продолжает существовать после того, как созданный человеком идеальный порядок исчез. И всё же я не хочу давать этому стихотворению единственное правильное прочтение. Может быть, для кого-то росток будет надеждой. Для кого-то - упрямством жизни. Для кого-то - просто природой, которая всегда возвращает себе пространство. Мне интересно оставить эту возможность открытой. В конце я не хотел говорить, что всё обязательно будет хорошо, что город восстановится или человечество наконец найдёт идеальный способ жить. Мне хотелось оставить более простую и честную мысль: что даже после всего, что мы сами разрушили, кто-то всё ещё пытается жить. Для меня, наверное, в этом и есть настоящая Утопия. Не мир, в котором больше нет беды. Не город без ошибок. Не общество, где всё рассчитано и каждому заранее определено место. А жизнь, которая даже после всего произошедшего не соглашается закончиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.